

18+

Светлана Фунтусова

Границы дозволенного

История в письмах

Светлана Фунтусова

**Границы дозволенного.
История в письмах**

«Издательские решения»

Фунтусова С.

Границы дозволенного. История в письмах / С. Фунтусова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985162-8

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Герои книги незримо присутствуют рядом с читателем,
рассказывая о своих чувствах и переосмысливая то, что случилось между
ними. Была ли это любовь или просто затяжная болезнь одиноких душ? Автор
передает право решать читателям, которые сделают свои выводы, распутав
лабиринт эмоций.

ISBN 978-5-44-985162-8

© Фунтусова С.
© Издательские решения

Содержание

Часть I.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Границы дозволенного История в письмах

Светлана Фунтусова

© Светлана Фунтусова, 2020

ISBN 978-5-4498-5162-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается А.

Часть I.

Он

30.08.1992

...Мне представляется, что у каждого человека должна быть своя страсть. Кто-то находит ее в алкоголе, кто-то – в женщинах, кто-то – в хобби, кто-то – в чем-то еще. Для меня же такой страстью является музыка. Музыка – это всё. Музыка – это дионисийское опьянение. Я могу часами лежать с закрытыми глазами и слушать ее... Вот, в принципе, чем я и занимался в поезде всю дорогу сюда. Лежал на верхней полке, смотрел в окно и потолок и слушал музыку в наушниках. Твои любимые песни. Иногда подпевал тихо-тихо, чтобы не напугать соседей по купе. Хотя они, кажется, напряглись в любом случае, когда мы сматериализовались перед их взорами.

Кстати. Ты ушла, а я остался. Наедине с ними. Ужас... Ты оставила меня на некоторое количество часов наедине с благовоспитанной парочкой пенсионеров и девушкой-«зубрилкой», которая даже глаза на меня боялась поднять всю дорогу! Но самое смешное заключалось в том, что все они даже понятия не имели, что на самом деле это я был в панике. Настолько я отвык от общения со среднестатистическими людьми. Почти всю дорогу на кончике моего языка висело оправдательное: «Я уже другой! Другой! Другой!». И как чудесно, что никто из них не заговорил со мной. В каком-то смысле я благодарен им за это.

И еще я думал. Много думал, до головной боли... Так странно быть впервые за долгие годы *без тебя*... Может быть, зря мы все это затеяли с тобой? Надеюсь, что все-таки нет.

Знаешь, первое письменное признание в разлуке хотелось бы закончить просьбой к тебе. Пожалуйста, когда будешь ложиться спать, подумай: «Господи, ну до чего же я хорошая! Хорошая, умная, добрая и красивая!». И улыбнись. Обещаешь? Тогда пока!

15.09.1992

Привет!

К сожалению, вопрос с наймом квартиры пока что не решен (согласись, ведь никто не ждал меня здесь), поэтому пиши, пожалуйста, «До востребования»... Хотел было заранее поблагодарить тебя, но потом подумал, что слова эти будут подобны неконвертируемой валюте. И уж лучше я подарю тебе этот лепесток осенней розы (обязательно найди его в конверте!). Тешу себя надеждой, что он доставит тебе несколько приятных минут.

Вчера я сидел у моря и вспоминал, как мы были вместе с тобой в Юрмале в межсезонье. Воды не было у самой кромки, льдинки крошились под ботинками. Мы гуляли вдоль бесконечного берега и любовались высокими зелеными соснами на фоне голубого неба. Чуть поодаль большие и ленивые гуси-лебеди, переваливаясь, бродили вслед за нами, греясь в лучах мартовского прибалтийского солнца. Ты помнишь это? Я очень хорошо. Всё до мелочей... Ты удивлена? Я тоже.

Сейчас я снова у кромки Балтийского моря, но нет тебя, гусей и солнца. Моросит дождь, нахлобучились тяжелые кучевые облака, а по берегу ходит только одна пара уставших ног в грязных старых ботинках... Как ты там *без меня*?

25.09.1992

Здравствуй, дорогая!

Оказывается, тот адрес, что я давал тебе в прошлый раз, никуда не годится – некоторые почтовые отделения предпочитают не иметь никаких дел с письмами «До востребования». Их просто-напросто отсылают обратно (ничего не поделаешь – все это издержки недостроенного капитализма), даже не дождавшись прихода «востребователя». Узнав об этом, я, подобно буриданову ослу, все никак не мог решить: какой обратный адрес сообщить тебе. Так что, будь внимательна – и заметь изменения!

P.S. Если ты думаешь, что на этом конец, то ты ошибаешься – не хочу, чтобы мое письмо заканчивалось слишком уж скучно, и потому – Улыбнись!

Кроме того, сообщаю, что точно следуя программе: ищу работу и благоустраиваюсь на нашем будущем новом месте. Ни курю, ни пью... Ну, и так далее...

22.10.1992

Поздравь меня, пожалуйста, я – самый счастливый человек на свете! Пожалуй, даже счастливее Диогена в бочке. Совсем недавно я получил письмо от без сомнения великолепной и очаровательной девушки, что просто сил нет не похвастаться кому-нибудь. Можно я похвастаюсь тебе? Я немножко: самую капельку!

Используя старую шотландскую поговорку «*She is better than she is bonny*», могу только сказать, что моя подруга – девушка не только красивая, но и хорошая. А еще я могу сказать, что она абсолютно также думает о музыке, как и я. Только – вот досада! – уж больно далеко она сейчас от меня...

P.S. Хочешь познакомиться с ней? Тогда быстренько бросай это письмо в сторону и беги к зеркалу!

31.10.1992

Кусочек моего счастья, привет!

Памятуя о том, что невозможно передать на письме все интонации живого человека, сразу скажу: не обижайся, пожалуйста, на эти слова. Ведь я вовсе не хочу тебя обидеть своим слишком уж распоясавшимся языком. Наоборот! Если бы мне удалось заставить тебя улыбнуться, я был бы только рад этому. Тем более, что эти твои слова о кусочке счастья мне очень и очень нравятся.

Я много думал здесь. Без тебя. И понял, что очень хочу абсолютно все знать о тебе! Я хочу начать заново изучать тебя... Знаешь, как слепые изучают кончиками пальцев новые лица, исследуя их по миллиметрам. Так и я хочу исследовать тебя по письмам. Не думай, что сие есть новая забава от скуки, но я не знаю многое про тебя. Мы всегда занимались только мной. Прости!

13.11.1992

Тринадцатое число, пятница... Говорят, их сочетание приносит одни лишь несчастья. Не знаю, не знаю. Во всяком случае сегодня я получил твое письмо. Единственное, что меня огорчает так то, что не могу ответить на него в том объеме, в котором хотелось бы. Но не спеши ругать меня – завтра, я обещаю, все свое самое лучшее время я посвящу написанию письма для тебя.

Пока же хочу поблагодарить за твое откровенное письмо и хочу попросить не отвечать на это, а то мне будет ужасно стыдно: ты пишешь по-настоящему полные и интересные письма,

а я лишь отписываюсь в последнее время. Я напишу и отправлю свое будущее письмо в среду, а позвоню тебе в следующую пятницу, 20 ноября, хорошо?

И еще. Я хотел сказать, что ты без сомнения потрясающая личность с разнообразнейшими талантами. Чувствую, что когда-нибудь на стене твоего дома будет висеть мемориальная доска... Я постараюсь, чтобы каждое мое письмо было маленькой осторожной радостью для тебя.

P.S. Не курю, не пью... Ну, и так далее с «не»... Ты знаешь. Верь мне.

16.11.1992

Ну, какой же я глупец! Ведь ты ясно сказала, что работаешь по нечетным числам. К сожалению, до меня это слишком поздно дошло: предыдущее письмо я уже отправил. Досадно. Но все же я попробую позвонить и в пятницу, и в субботу. Если безрезультатно, то еще и в следующую среду. Хорошо? А потом буду звонить бесконечно, потому что весь мир отныне должен вертеться вокруг тебя, а не меня. Я обещаю, что переделаю этот мир. Ради тебя.

Кстати, я устроился на работу. Правда, сам еще не понял кем. Отчего-то мой замызганный диплом вдруг оказался очень кому-то нужен. И меня взяли на работу: то ли программистом, то ли оператором ЭВМ. Или как это сейчас еще называется! Впрочем, я сам не запомнил... Ты рада? Не поверишь, но я самый понимающий здесь в этих электронных чудовищах! Так ты можешь представить себе, что это за удивительный город в отдалении... Меня все постоянно спрашивают, почему я променял Москву на город, стоящий на отшибе России. Но я молчу. Как обещал тебе... Впрочем, я уже успел прослыть «странным типом» и «чудаком». Из-за того, что не хожу в «курилку», не остаюсь «сообразить» после работы и вовремя нее, не смеюсь над их плоскими шутками, которые на самом деле не смешны... Знаешь, я сам себе кажусь странным, потому что не делаю всего того, где раньше был первым. Начать жизнь заново – это так странно, дорогая...

Кстати, можешь запомнить сегодняшнюю дату – 16 ноября, потому что именно сегодня я обещаю реально начать свою новую жизнь. Вот видишь, уже начинаю изменяться, как мы и хотели, но если ты вслед за мной не станешь этого делать: берегись! Я выйду на тропу войны, и тогда моя месть будет ужасной: вместо того, чтобы писать тебе каждую неделю, я буду отправлять свои письма всего лишь раз в... восемь дней! И то, при условии твоего хорошего поведения.

29.11.1992

Привет, Хулиганка!

Удивлена? Хочешь знать, почему я так тебя называю? Потому что ты... Хотя нет, я передумал: пожалуй, в знак своей рассерженности и свирепости я до конца письма подержу тебя в «счастливом» неведении относительно твоего нового имени.

Знаешь, я еще помню, как просыпался по утрам в нашей квартире и первым делом в глаза бросался портрет Михаила Горбачева напротив кровати, а под ним был огромный лозунг: «С добрым утром!». А потом случилась наша мировая скорбь, и мне в голову пришла идея снять эту чепуху и повесить туда что-нибудь новенькое типа: «Все меня покинули, и скоро я умру!». Но я не сделал этого. Знаешь, почему? Потому что ты была рядом.

Еще я всегда буду помнить день, когда ты родилась. В этот же день родилась мама. Самые дорогие мои женщины. Мне повезло меньше: в мой день резвятся все Соединенные Штаты Америки. Как там у Мефистофеля: «Веселится и ликует мой народ!». Хотя, что из этого? Впрочем, если бы они, бедняжки, принимая в 1776 году свою Декларацию Независимости, знали, кто родится спустя всего лишь 195 лет, уверен, веселились бы еще больше. Ибо я – тот самый,

кто подрывает устои социалистического общества и, стало быть, работает на «недружелюбный» Запад.

Возвращаясь к началу письма, хочу сказать, что по своей душевной доброте не буду больше тебя мучить и расскажу всю правду, почему я дерзнул назвать тебя Хулиганкой! Откровенно говоря, мне и самому не терпелось проболтаться тебе об этом. Все дело в том, что в одном из своих последних писем я слезно умолял тебя выслать свой автограф. Но ты, видимо, решила поддразнить меня и вместо него отправила нашу последнюю совместную фотографию. И как мне тебя после этого называть? И что вы теперь скажете в свое оправдание, мисс Хулиганка? Не учитесь хулиганить у меня, пожалуйста. Этот пьедестал занят.

P.S. Завтра у тебя день рождения и я обещаю, что в этот день буду думать только о тебе!

30.11.1992

Открытка с Днем рождения с вложенными лепестками белых роз:

«Белые розы по утрам пахнут росой и нежностью...»

12.12.1992

Сегодня я почему-то вспомнил о своей первой, уже далекой, любви. Ты ревнуешь?... Но я все равно расскажу об этом. Да, это действительно было важное событие в моей жизни (через 4 года после рождения!). Ее звали Лиля, и она была очень симпатичной африканочкой, дочерью дипломатического сотрудника. Как сейчас помню, пришел как-то из детского сада и говорю: «Мама, папа, я женюсь!». После первых вопросов, касающихся моей избранницы, последовал и такой, чисто советский, вопрос: «Что же ты с ней будешь делать?». А я с возмущением ответил: «Ну, как это „что“? Мы уедем в Африку!».

Вообще, в детстве я был очень примерным мальчиком и никогда не хулиганил. Ты не веришь мне? Да уж, ты никогда не знала меня таким... К моменту нашей встречи я уже научился делать много нехороших вещей и приобрести славу безбашенного человека. Но тогда все мои разочарования были еще впереди...

P.S. Кстати, я не всегда отправляю письма, как обещаю. Ты заметила? Оправдываться не буду. Знаю, что виноват. Нет мне прощенья! Прошу меня расстрелять! Можно из ружей у стены какого-нибудь амбара или склада. Желательно после работы, иначе придется закрывать всю мою местную шарашкину контору. Сегодня все болеют, и я тут практически один. Ты же не позволишь шагнуть стране к упадку экономики?

22.12.1992

Ужасно захотелось побаловать тебя дополнительным, внеплановым письмом. И прямо написать тебе – СПА-СИ-БО! На этот раз за твою откровенность и доверие. Это самое ценное, что ты можешь мне подарить! Но, пожалуйста, будь осторожнее. У тебя – оголенные чувства. Ты знаешь об этом? Ими легко можно кого-нибудь убить...

Уже сколько раз, укладываясь вечером спать, я давал себе слово позвонить тебе и обязательно сказать «это». Но наступало утро, и с остатками вчерашней темноты куда-то уходила прочь и моя смелость. И я опять точно и наверняка знал, что и в этот день такой же, как и в предыдущий, не найду сил поднять телефонную трубку. Но сегодня, 22-го декабря в 21.39, я все же решился. Скажу тебе «это» прямо сейчас: «Я очень скучаю по тебе!»...

30.12.1992

Здравствуй, Кусочек Моего Счастья!

Поздравляю тебя с наступающим Новым годом! Пусть та дверь, около которой ты была последние годы, навсегда захлопнется, оставляя позади все разочарования и неприятности! Пусть впереди тебя будут ожидать: куча радости, масса счастья и море любви (в котором, в соответствии с твоим желанием, можешь благополучно утонуть. Я разрешаю и не буду работать спасателем в этом случае)!

02.01.1993

Здравствуй, моя самая добрая, самая нежная и самая милая!

Я очень-очень люблю тебя! Правда-правда! Вот с прошлого четверга как получил твое очередное письмо, так и осознал это всем сердцем. Дело все в том, что здесь в моей комнате на стене висит картина Джорджоне «Юдифь». Если помнишь, там она решительно отрубает голову Олоферну. Его же, кстати говоря, мечом. И вот, отослав тебе одно из своих последних писем (вместо пятницы в понедельник), я со спокойной душой лег спать. Однако в эту ночь мне так и не суждено было отдохнуть: уже через несколько часов я проснулся от кошмарного сна. Мне приснилось будто там, в картине, вместо головы Олоферна лежала моя голова! Ужас! До сих пор помню это состояние: ледяной пот и бешено колотящееся сердце. И вдобавок ко всему перед глазами стояла последняя фраза из того злополучного письма: «Прошу меня расстрелять!». Ах, как необдуманно я написал ее в порыве чистосердечного покаяния.

За прошедшее с того воистину «черного» понедельника время я похудел и стал унылым, как осенний дождик, а в глазах у меня поселилась тоска. Из рук все валилось, и чтобы хоть чем-то занять себя, я решил написать завещание... Написал. И тебя не обошел вниманием, кстати. Чтобы тебе не было скучно без меня, я хотел было оставить тебе «Избранное» Альбера Камю и трехлитровую банку вишневого компота! Но (какое счастье!) ты в очередной раз подтвердила, что являешься человеком добрым и милосердным. Ты отменила мою казнь. За что тебе большое спасибо! Правда, по такому случаю банку компота я оставлю у себя, а для тебя процитирую слова Фауста (Гёте):

*Утихла дикая тревога,
И не бушует в жилах кровь.
В душе воскресла вера в Бога,
Воскресла к ближнему любовь.*

К тебе, к той, что могла меня убить, но не стала этого делать, пожалуй, можно проникнуться любовью. Жутковатой, но тоже своего рода любовью. И поэтому сейчас из любви к тебе (а также в целях дальнейшей безопасности) не буду больше тянуть и немедленно отвечаю на твое последнее письмо... Мне хочется ответить буквально на каждую твою строчку. Кстати, на все мои письма отвечать необязательно. Я знаю, у тебя и так не очень-то много времени. Не надо. Лучше поспи лишние два-три часа ночью.

P.S. Что? Издать книгу, составленную из наших писем? Ну, уж нет! ТВОИ письма я никому не отдам! И делиться с ними ни с кем не буду, потому что они – мои. Точнее, наши.

12.01.1993

Как ты думаешь, чем вызвано написание этого письма:

- Отличной (на мой взгляд) идеей пригласить тебя в отпуск на Гавайи в августе?
- Желанием навсегда попрощаться с тобой?

– Или элементарной попыткой напроситься к тебе в долгожданные гости на 7 октября, День Конституции?

Попробуй угадать на счет три. Раз. Два. Три! Ну что, какая у тебя версия?... Вот и нет, не угадала! Ну, какая же ты недогадливая, ведь все очень и очень просто: во-первых, мне захотелось сказать тебе что-нибудь приятное; во-вторых, захотелось немножко поднять твое настроение после тяжелого рабочего дня; и наконец, в-третьих, поздравить тебя с праздником. С каким? С еще одной нашей датой. Она маленькая, но уже довольно-таки округленькая. Сегодня исполняется ровно 12 недель с тех пор, как я получил твое первое письмо!

20.01.1993

...Все-таки не понимаю, как тебе удается совмещать так много дел и увлечений. Ведь у тебя такая тяжелая работа. Наверное, ты очень устаешь, да? Хотя, что тут непонятного? Простото ты – устремленная. И даже не верится, что ты до сих пор со мной...

Знаешь, еще пять лет назад я был очень счастлив. Даже не верится сейчас. Какое-то неизъяснимое чувство, сходное с тем, что испытывал, будучи подростком, когда уплываешь в море ранним летним утром далеко-далеко от берега, ложишься на тихую, спокойную водную гладь, раскинув в стороны руки, и переполняешься какой-то беспредельной любовью. Мне всегда нравилось смотреть, как гаснет последняя звезда, как из-за холмов медленно и с достоинством поднимается огромный, распухший от страсти, ярко-красный диск солнца.

Определенно, пять лет назад, я знал, что такое настоящее счастье. Это когда есть любимая работа, на которой задерживаешься допоздна, не подозревая при этом о существовании такого понятия как «время»; это когда одновременно учишься там, где всегда мечтал; это когда в друзьях ходит половина города; это, в конце концов, когда есть рядом человек, которому, не опасаясь быть обруганным, можно позвонить часа в три ночи только лишь для того, чтобы сказать: «Люблю!». Но верно говорят, что счастье долго не длится... Наверное, это глупо, но даже сейчас хочется плакать, вспоминая то время.

...Первый день после потери – он самый страшный. Его труднее всего пережить. Впрочем, второй день, он ничуть не легче. Да, и третий такой же. Память беспощадна. Она не выбирает дней... И время совсем не лечит, оно просто проходит... Извини, наверное, не стоило всего этого писать, чтобы не будоражить опять твои нервы.

P.S. Если бы ты только знала, как мне хочется иметь дочку, ведь она почти была у меня. Но я не смог оправдать надежд Мироздания, и потерял и ее, и ее потенциальную мать. Если бы она осталась жить, сейчас мне был бы не нужен никто. Кроме тебя.

24.01.1993

Привет, Подружка!

Как у тебя с настроением? Хорошее? Хочешь, я испорчу его тебе? Так захотелось сейчас поговорить с тобой, а твоих писем по-прежнему нет. Потерялись, наверное, где-то... Я жду.

*Иногда слова понятны не всем.
Жесты входят в господство.
Так приходит власть тишины.
Безмолвие дремлет, поглощая слова.
Это странное чувство —
остановка в нигде.*

Тело знает, что время идет,

*Но все чувства кричат,
Что здесь его нет...
И когда миг отчужденности
Проходит как сон,
Иногда наши жесты понятны не всем.
В гаме улиц и шуме машин
Не слышна тишина.
Это можно запомнить,
Но не всегда.*

27.01.1993

«Оголенные чувства – это плохо или хорошо?» – Ох, и хитрая же ты девчонка! Задаешь мне этот вопрос после моего: «Будь, пожалуйста, осторожнее!». Признайся, хорошо или плохо это для тебя, ты и сама прекрасно знаешь. Но ведь тебе интереснее знать, нравится ли это мне. Нравится ли мне то, что у тебя именно такие, а не какие иные чувства? Ну, хорошо, Хитрюга, расскажу тебе и об этом. Но в конце письма, ладно?

Помнишь, когда-то я, шутя, попросил у тебя автограф. Вчера вот получил твое первое январское письмо, прочел отрывки из твоего будущего романа и, знаешь, что пришло мне в голову? Возможно, я не зря просил его... Я вовсе не имею ввиду, что когда-нибудь ты получишь Нобелевскую премию по литературе. Я – не специалист, но все же... Мы поговорим об этом позже, когда встретимся. Мне есть, что сказать тебе. Мне есть, о чем спросить тебя. Но в любом случае *спасибо!* за те главы романа, что ты прислала мне... Я понял все.

...Ну, вот, дело подходит к концу письма, и пришло время выполнить обещание. Расскажу тебе всю правду: то, что я думаю о тебе. Только прежде, Красавица, ты уж чуть-чуть прикрой свои глазки, а то мне будет ужасно стыдно... Готова? Тогда поехали!

Ты – необыкновенная девушка. И у тебя много достоинств. Но есть среди них одно, о котором, я уверен, ты даже и не догадываешься: ты смогла вернуть мне утраченное... С тех пор как я приехал сюда, я даже не думал о том, что у меня есть какие-то проблемы и заботы. Ты заставляешь меня думать только о тебе. Это очень приятно: думать о ком-то другом. Наверное, было бы еще приятнее заботиться о тебе, что я и обещаю, когда мы вновь встретимся. Я изменюсь. Я обещаю. Верь мне, пожалуйста.

P.S. Ты не обидишься, если я дам тебе совет? Давай сохраним наши письма! Я передумал. Когда-нибудь мы сможем поделиться ими с человечеством... Кроме того, если к тому моменту мы будем до сих пор не вместе или уже не вместе, я обязательно приобрету твою книгу. Но не буду ее читать. Почему? Потому что я буду знать ее наизусть, от первой до последней строчки. Веришь? Спорить бесполезно, дорогая моя, как ни странно, но я тоже причастен к этой Истории. Хотя я совершенно не горжусь тем, что натворил в ней, но я был здесь. И был главным героем... А *был* или *есть* – решать тебе!

03.02.1993

Зима – располагающее к одиночеству время, но с другой стороны – это время пересмотра жизни. Зима – как порог, ступень к очередному этапу жизни. Переступишь или нет... Почему-то в этот период всё становится наиболее заметным, каким-то выпуклым среди повседневности, заставляет особенно остро чувствовать... Один из моих новых тутошних друзей утверждает, что к зиме непременно нужно жениться, чтобы избавляться от всего этого...

Помню стихи одного из твоих любимых норвежских поэтов, кажется Ховарда Рэма. Там были нижеследующие строчки, которые теперь всегда отчего-то всплывают в голове, как только

люди в моем окружении начинают говорить о зиме... Странный ассоциативный ряд получился...

*В Стокгольме холодно и снежно.
Стоит декабрь. Год 92.
Зияют дырами в снегу
камни на крышке чужого гроба.*

Но я люблю зиму, холод и снег. Совершенный момент – заключительные кадры исландского фильма «Рейкьявик 101», где герой забирается на ближайшую снежную гору, падает лицом к небу в огромный сугроб и лежит долго-долго... Его, мучавшегося от зимы в течение всего фильма, засыпает снегом, а он лежит и в успокоении разглядывает звездное небо... Иногда мне кажется, что это я.

Вся неделя прошла странно и сюрно, в поисках выхода из обыденности и боли. Я пытался взять несколько days-off на работе и уехать на безлюдье к Балтийскому морю, чтобы там найти равновесие души. Но мне сказали, что нужно работать. Так я остался в этом местного масштаба мегаполисе...

Ты не читала книгу Питера Хёга «Чувство снега фрёкен Смиллы»? Что же такое я спрашиваю! Иногда кажется, что всех северян роднит это чувство. После прочтения книги и я нашел наконец-то слова к тому, что всегда чувствовал, но не мог объяснить по отношению к зиме... Позже после работы я гулял пару часов, но все не в унисон погоде, подавленный и пришибленный ощущением, что время становится все дороже и дороже.

17.02.1993

Вот так. Наотмашь! Запятая или точка? Внезапно я осознал, что происходит... Ты, конечно, здорово меня приручила, а я даже не заметил и отдал сердце. Или то, что от него осталось. Не надо, отпусти. Мне нельзя сейчас быть с тобой. Совсем нельзя. Слышишь?!

Ты отказалась мне помочь... Ну, что же, я попытаюсь сам все решить. Единственное, что я могу сказать, так это то, что в августе или сентябре я встречу с тобой. Обязательно встречу! Слышишь? Я найду тебя!

13.03.1993

Мне тяжело. Помоги мне. Пожалуйста.

30.03.1993

Очень рад новой возможности написать тебе еще одно письмо! Надеюсь, ты поняла причину безобразия моих предыдущих писем. Прости! Моя ненормальность когда-нибудь достанет тебя. И я этого очень боюсь!

Несмотря на все мои очередные огрехи и косяки, ты все-таки осталась и опять написала письмо. Воистину Мать Тереза! Ох, и разоткровенничалась же ты сегодня со мной! Ну, что же, получай в таком случае положенную тебе долю моего равнодушия: НИ С КЕМ НЕ ХОЧУ делиться и рассказывать о тебе, потому что ты – моя маленькая Тайна. Я себя чувствую подобно малышу, который спрятал в крохотном кулачке от мира взрослых какое-то свое, известное лишь ему одному сокровище (например, фантик от конфеты). Ты – мое сокровище, моя драгоценность! Ты – моя тайная радость! А свое счастье я не имею обыкновения делить с кем-нибудь, кто не причастен к нему.

P.S. Я люблю твою откровенность, твое доверие. Это самое ценное, что есть у тебя.

31.03.1993

...Дай-ка вот, думаю, еще разочек побалую мою бедную девочку, ведь ей сейчас так тяжело, так одиноко. То-то она обрадуется. Да и мне будет тоже приятно...

Хоть у тебя и такое ласковое светлое имя, а все же ты ужасная пессимистка. Не надо быть такой. Пожалуйста, не надо. Ведь ты сама себе усложняешь жизнь. Я понимаю, ты много знаешь, ты очень много знаешь, а человеку, отягощенному знаниями, всегда трудно быть счастливым. Но все-таки попробуй... Как жаль, что я не могу помочь тебе в этом, потому что я далеко! У меня бы получилось, я знаю. Ведь это так легко, сделать человека чуточку счастливее.

«Кому какое дело, что у меня внутри». Нет, ты не права. МНЕ есть до этого дело! И даже очень большое. Пойми, ведь если ты поделишься со мной тем, о чем думаешь постоянно, о чем переживаешь, я, возможно, смогу быть для тебя маленьким ручным волшебником и смогу либо успокоить тебя и рассеять волнения, либо исполнить некоторые из твоих желаний. И, ручаюсь за это, никто и никогда не узнает то, что ты доверила мне. Потому что это уже станет частью меня, частью моей души, а свою душу (трепыхающуюся на протянутой раскрытой ладони) я могу подарить лишь близкому мне человеку.

...Ты говоришь, что привыкла: «или все, или ничего». Ну, что же... Сейчас я могу предложить тебе лишь «ничего». В сентябре – тоже «ничего». Но, возможно, и «всё». Ради этого стоит подождать? Решай ты! Ты вправе сделать это за нас двоих.

P.S. В любом случае, что бы ты ни ответила на мой вопрос, постарайся быть счастливой.

11.04.1993

Знаешь, ты совершенно непредсказуема! Сразу три письма!

Посылая раньше письма, я еще ни разу не задумывался о том, дойдет ли оно до адресата и, если дойдет, то когда. Ни разу, кроме последнего. Я имею ввиду вчерашний день. День, когда я отправил тебе свое предыдущее письмо. Написал и почти две недели носил с собой, а отправил только вчера!

Было бы крайне опрометчиво с твоей стороны делать из этого какие-либо далеко идущие выводы. Потому что балансировать на грани, отделяющей формальную, холодную вежливость к дорогому мне человеку от признаний ему в любви, очень трудно. Трудно в том смысле, чтобы он, этот самый человек – не дай Бог! – не подумал, будто я опять потерял равновесие и скатился (ведь в действительности-то ничего этого нет!). Скатился в ту или иную сторону: будут либо неоправданные надежды, либо просто недоумение... Но ведь я уже начал потихонечку скатываться с высокой горки в яркие эмоции: и скорость увеличивается не по дням, а по минутам, и что будет к концу недели – я не знаю!..

Сейчас ты должна знать, что в моей жизни изменилось абсолютно все. Теперь я должен в полном сознании подтвердить, что знаю ту, с кем и вправду могу летать без какой-либо химии или антидепрессантов...

12.04.1993 (1)

Здравствуй, моя родная!

Я так соскучился по тебе! Так соскучился, так соскучился... Да, как видишь, любить для меня куда важнее, нежели желать кому-либо счастья. Потому что я и сам хочу быть счастливым. Хотя бы немножко, я нетребовательный.

В честь начала новой жизни... Нет, не с традиционного понедельника, а с четверга, с прошлого четверга, с 8 апреля (помнишь, мы с тобой в этот день три раза по телефону разговаривали). Так вот, в честь начала новой жизни, в честь нового дня рождения я хочу сделать тебе подарок: желтый нарцисс (найди его в конверте!). Пусть у нас традиционно все будет не как у людей: и желтые цветы не к расставанию, а к сближению!

Милая моя, спасибо тебе за все эти письма и веру в меня! То, что я останусь с тобой, я знал и раньше, до них. Они же помогли мне узнать то, как ты смотришь на все это. Именно они и подтолкнули меня на то, чтобы ты пораньше узнала о моем выборе. И потому еще раз о твоей откровенности и о твоем доверии: как хорошо, что иногда не надо первому делать шаг навстречу! Как хорошо, что иногда ты сильнее меня! Я очень дорожу тобой!

Возможно, мне и не следует говорить тебе то, что сейчас скажу, но все-таки хочу, чтобы ты и это обо мне знала (никому другому ни за что на свете не сказал бы!). Когда я впервые читал твои строчки о том, что ты не хочешь уезжать в Норвегию без меня, то внезапно остановился от... физической невозможности продолжать чтение... Ты понимаешь, о чем я? Слезы... Так неожиданно комком подкатили к горлу... Ладно. Всё.

Я не осуждаю тебя в твоём желании навсегда уехать на север, в Норвегию, потому что понимаю: твоя «голубая мечта» – это вовсе не поиск удобств, не желание принадлежать к нормальному, не сумасшедшему обществу. Это попытка второй, возможно, более удачной, более счастливой жизни. Но... Ты права: убежать от самой себя, от своей воспаленной памяти, после всего того, что было, просто невозможно. И еще с твоей-то нежной и легкоранимой душой... Мне кажется, что твое существование там будет пожизненным распятием для тебя. Возможно, я не прав. Но, знаешь, когда тебя в следующий раз посетят мысли об отъезде, подумай, пожалуйста, вновь обо мне. О том, что я буду делать здесь без тебя...

16.04.1993 (2)

Я ужасно хочу надоесть своей болтовней тебе по телефону в рабочее время! И обязательно сделаю это однажды, так и знай! Мне обязательно надо знать всё о твоей каждодневной жизни вдали. Жизни без меня.

18.04.1993 (3)

Вот и еще один день прошел... А до сентября – 19 умноженных на семь точно таких же дней... Грустно как-то от этих подсчетов.

У меня есть несколько не очень-то привлекательных тем, которые, несмотря на все приятности, обрушившиеся после 8 апреля, не дают мне покоя, и которые обязательно нужно обсудить с тобой. Но в письме я не могу делать этого (хватит, один раз уже попробовал, и чуть было навсегда не потерял тебя!). Поэтому остается лишь телефон. Хотя и он не является выходом из положения. Ничего не поделаешь, завтра все-таки придется попробовать сделать это. И у меня к тебе одна лишь просьба: пожалуйста, верь мне! Все, что я говорю тебе, все это правда. Мне незачем тебя обманывать. И я никогда не обманывал тебя. Ты знаешь это. Потому что мне ничего не нужно от тебя. Правда, ничего не нужно. Кроме одного. Тебя самой.

P.S. Милая, я очень хочу тебя любить!

20.04.1993 (4)

Мне бы, конечно, следовало дождаться твоего ответа на мое предыдущее письмо, но есть причина, по которой я не могу сделать этого. Поэтому буду считать, что на мой P.S. оттуда ты ответила: «Люби!».

Как раз сегодня всего лишь несколько часов назад мы с тобой обсуждали не очень-то приятные темы, о которых я говорил. И после этого разговора стало так хорошо, так приподнято на душе, что совсем не замечалась вода, жалостливо хлюпающая под ногами (а ничего сегодня снегопад был, правда? И это в середине апреля-то!). Пришел домой и захотелось вот еще раз вернуться к сегодняшнему разговору... Нет, мне даже и в голову не приходило проверять тебя. Ты же знаешь, я доверчив. Наверное, не следует быть таким, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.